

Чаплин И.В.,

Магистр социальной работы

Россия, Санкт-Петербург

I.V. Chaplin, Master of Social Work

СМЕРТЬ КАК ИСЧЕЗНОВЕНИЕ: РЕКОНСТРУКЦИЯ КОРНЯ *MER-

В КОНТЕКСТЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ТАНАТОЛОГИИ

Аннотация. В статье прослеживается динамика интерпретаций корня *mer- — от ранних звуко-символических гипотез до современных индоевропейских сводов. Показано, как значение «исчезать» постепенно утвердилось в качестве первичного, а формально омонимичный спектр Ю. Покорного переосмысливается как единый корень с двумя суффиксальными расширениями. На этой основе предложено понимание, при котором «исчезать» и «умирать» предстают как полисемия единого опыта смерти — как исчезновения из поля зрения, пространства и памяти.

Ключевые слова: корень *mer-, лингвистическая танатология, этимологическая танатология, этимология смерти

DEATH AS DISAPPEARANCE: RECONSTRUCTION OF THE ROOT

***MER- IN THE CONTEXT OF ETYMOLOGICAL THANATOLOGY**

Abstract. This article traces the dynamics of interpretations of the root mer- — from early sound-symbolic hypotheses to modern Indo-European compendia. It demonstrates how the meaning “to disappear” gradually became established as primary, while Pokorny’s formally homonymous spectrum is reconceptualized as a single root with two suffixed extensions. On this basis, the study proposes an understanding in which “to disappear” and “to die” are

presented as the polysemy of a unified experience of death — as disappearance from the field of vision, from space, and from memory.

Keywords: *root *mer-, linguistic thanatology, etymological thanatology, etymology of death*

Смерть относится к фундаментальным фактам человеческого существования, осмысление которых традиционно рассредоточено по различным дискурсам, в то время как язык нередко остаётся на периферии танатологического анализа. При всём внимании к концептам смерти этимология — как ключ к исходным координатам восприятия — до сих пор остаётся слабо освоенным ресурсом. В основе индоевропейских обозначений смерти лежат несколько корней, наиболее изученным из которых выступает корень **mer-*, чьи рефлексy стабильно представлены в основных индоевропейских ветвях (лат. *morior*, лит. *mirti*, санскр. *marati*, ст.-слав. *mrěti*) и продолжают себя в праславянской лексеме **sъmьrtь*.

Смысловая реконструкция корня заняла без малого два столетия и оказалась распределена по лексикографическим сводам и трудам различных лингвистических школ. При этом исходное его значение до сих пор получает противоречивые трактовки — между «умирать» и «исчезать», — а дискуссия о первичности того или иного смысла остаётся открытой. В танатологической и культурологической литературе до настоящего времени так и не сложилось целостного представления о динамике его семантики, которое могло бы послужить надёжной теоретической опорой для исследований в этой области.

Отсюда возникает необходимость проследить историю реконструкции значения праиндоевропейского корня **mer-* и оценить его исходную семантику с точки зрения танатологии; восстановить хронологию интерпретаций — от ранних звуко-символических догадок до современных индоевропейских сводов, — рассмотреть аргументацию в

споре о первичности значений и проанализировать статус формальных омонимов **mer-* в классическом своде Ю. Покорного.

Материалом послужил корпус этимологических источников XVIII–XXI вв. — от ранних работ А. С. Шишкова до сводных словарей нового поколения (LIV², EDHIL, NIL). Основным методом выступает сравнительно-исторический анализ, применённый в объёме, необходимом для фиксации смены научных парадигм, с опорой на данные анатолийской ветви, сохранившей наиболее архаичное состояние корня.

Наиболее ранний пласт этой истории представлен звуко-символическим подходом [2, с. XVIII–XIX; 8, с. 78–93], в рамках которого выстроил свою этимологию А. С. Шишков (1833), усматривая за лексемой «смерть» один из древнейших корней праязыка — *mr*. Он различал в нём не только морфологическую основу, но и телесное воплощение страха: «Здесь ужас, соединённый с отвращением, потрясая чувства наши, и сообщая сие потрясение языку, понуждает его произнести звук *mr*, от которого произошли потом ветви: *мру*, умираю, мёртвый, смерть» [29, с. 89–90]. Эту связь автор развернул в образ филологического «древа» — «с означением 24-х колен и 920 ветвей», вмещающего различные грани исчезновения, распада и угасания, вплоть до «вымерзнуть» [29, с. 77–88].

На смену разрозненным рядам слов пришёл сравнительно-исторический метод, который к корню **mer-* приложил Ф. Миклошич (1886), разграничив славянский материал по двум семантическим векторам: группа мортальных единиц (*mrěti* «умирать», *morь* «мор», *mrha* «падаль», *śmьrtь*, *ьmьrtь*) и группа туманно-сновидческой неясности (укр. *mrity* «становиться туманным», *mryty* «видеться во сне», *mra* «морок, видение»), куда на стыке мёртвого с неясным примыкает и укр. *zamra* «призрак мертвеца» [13, с. 190]. Теоретическую же черту под звуко-символическим подходом подвёл позднее Ф. де Соссюр (1916),

показав отсутствие естественной, мотивированной связи между звуковой формой слова и понятием [18, с. 113].

В 1896 году Н. В. Горяев собрал индоевропейский ряд когнатов «мереть» и поставил рядом с санскр. *máрати*, лит. *mirti*, лат. *mors*, гот. *maúrþr*, нем. *Mord* более широкий круг форм — осет. *mæл-*, курд. *mur-*, гр. *βροτός* [25, с. 206]. В свою очередь, А. Г. Преображенский (1910–1914) выявил этимологическую тождественность основ **mer-* «умирать» и **merā-* «дробить, растирать», что ввело в смысловое поле корня значения дробления и распада [27, с. 526-527]. Э. Стертевант (1933) распространил сопоставление на анатолийскую ветвь, уравнив хеттское *mer-* (прош. *me-ir-ta* «умер») с латинским *morior* «умирать» — без оговорок и без различения оттенков, как прямое «умирать» в обеих ветвях [19, с. 135-137].

К концу 1950-х Ю. Покорный (1959) свёл накопленное в единый корпус, распределив корень **mer-* по шести статьям (**mer⁻¹* ... **mer⁻⁶*, см. табл. 1) — в духе лексикографической конвенции эпохи, разделявшей формально тождественные, но семантически различные корни в самостоятельные гнезда. И всё же между четвёртой и пятой статьями он поставил знак прямого равенства — «умирать = быть истёртым», подтвердив тем самым уже намеченное тождество «умирать» и «истирать», а в гнездо **mer⁻⁴* «умирать», рядом с латинскими и балто-славянскими формами, внёс и хеттское *me-ir-ta* «умер», ранее привлечённое из анатолийской ветви [16, с. 733-738].

Таблица 1. Семантический спектр корня **mer-* по Ю. Покорному (1959)

№	Значение	Примеры
<i>mer⁻¹</i>	плести, связывать; шнур, петля, силок	гр. <i>μέρις</i> «нить», <i>βρόχος</i> «верёвка, петля», ст.-слав. <i>mrěža</i> «сеть, силок», лит. <i>mārška</i> «рыбачья сеть»
<i>mer⁻²</i>	мерцать, искриться	санскр. <i>marīci-</i> «луч света, мираж», гр. <i>μαρμαίρω</i> «блистаю», лат. <i>merus</i> «чистый, ясный», русск. <i>márevo</i> «марево»
<i>mer⁻³</i>	чернить, тёмный цвет,	гр. <i>μόρβος</i> «тёмный, мрачный», лит. <i>moraĩ</i>

	грязное пятно	«плесень», русск. <i>марать</i> «пачкать», чеш. <i>morous</i> «пёстрая корова»
<i>mer</i> ⁻⁴	умирать	санскр. <i>marati</i> «умирает», лат. <i>morior</i> «умираю», лит. <i>mirti</i> «умирать», ст.-слав. <i>mrěti</i> «умирать», хетт. <i>me-ir-ta</i> «умер»
<i>mer</i> ⁻⁵	стирать, тереть; хватать, грабить	санскр. <i>mṛñāti</i> «размалывает; грабит», гр. <i>μαραίνω</i> «изнуряю», лат. <i>mortārium</i> «ступа», <i>morbus</i> «болезнь»
<i>mer</i> ⁻⁶	мешать, раздражать, пренебрегать, забывать	санскр. <i>mṛsyate</i> «забывает, пренебрегает», гот. <i>marzjan</i> «раздражать», лит. <i>mīršti</i> «забывать», арм. <i>moʿanap</i> «забываю»

В 1960 году хеттское *mer*- получает у Х. Фриска осторожную глоссу «исчезать, отмирать» [5, с. 270-271], и в том же русле Р. Гусмани (1968) считает «исчезать, теряться» исходным для индоевропейского **mer*-, а «умирать» за пределами хеттского — значением более поздним [17]. Строгое обоснование это получает у Н. Оттингера (1979), который вскрыл в хеттском глаголе *mer*- два слоя одного праиндоевропейского корня: древний аорист **mer-t* «сгинул, пропал», который унаследовали хетты, и выросший на нём позднейший презенс **mṛ-je-* «умирает», давший латинское *morior* и ведийское *mriyate*. Оба эти слоя сложились ещё в праязыке, до его распада, поэтому тот же древний тип проступает в ведийском *marāta* «мы умрём» и греческом *émorten* «умер» [14, с. 105-106]. Хеттское свидетельство уточняет В. В. Иванов (1985), подчёркивая, что «исчезновение» и прямое «умирать» несли в хеттском два разных глагола, *mer*- и *akk*-, отсюда *mer*- в анатолийском не имело значения смерти [26, с. 337-339].

Синтезируя этот материал, В. Н. Топоров (1990), обратившись к спектру Покорного, показал, что за формально разрозненными группами стоит единая семантическая логика. По его реконструкции, **mer*-разворачивается в линейную структуру: сначала — дифференциация светового эффекта (мерцание, мелькание, **mer*⁻²) и его убывание (потемнение, помрачение, **mer*⁻³); затем переход в материальную

плоскость — деформация и распад плоти (**mer-*⁵); и в итоге **mer-*⁴ «умирать» как предельное исчезновение, выпадение из поля зрения и из пространства. Смерть в этой модели становится не отдельным понятием, а финальной точкой угасания и опустошения: живое теряет свет, размывается в слепое пятно, стирается без следа и в итоге просто перестаёт быть для наблюдателя [28, с. 49-51].

Если семантическая реконструкция опиралась на значения, то глагольная парадигма подтверждает первичность «исчезать» уже со стороны формы: LIV² (свод индоевропейских глагольных корней), опираясь на Оттингера, показывает, что мортальная семантика нарастает на глагол позже исходного «исчезать» — древнехеттское *merta* ещё «исчез, пропал», тогда как младшие образования — ведийское *ámṛta*, старославянское *u-mrěť* — уже означают «умер», а каузатив прямо строится из «исчезать»: вед. *māráyati*, ст.-слав. *-moriti* «убивать» — буквально «заставить исчезнуть» [12, с. 439-440].

Этот консенсус, однако, разделяют не все: Я. Пухвел (2004), вслед за Э. Стертевантом, отстаивает «умирать» в качестве исходного, ещё праиндоевропейского значения: хеттский *mer-*, по его мнению, продолжает унаследованный глагол смерти, а «исчезновение» — не древнейший пласт, а позднейший сдвиг внутри анатолийского. При этом в самом хеттском *mer-* оказался оттеснён другими глаголами — *akk-* «умирать» и *har(a)k-* «гибнуть» — и сохранился лишь в остаточных оттенках «потеряться, сойти на нет». Ошибочным автор считает и вывод Р. Гусмани о праиндоевропейской природе «исчезать» и его последующем эвфемистическом смещении, трактуя хеттскую форму не как исконный пласт, свидетельствующий о праязыке, а лишь как вторичное изменение внутри анатолийской ветви [17, с. 148-150].

Тем не менее систематическое обоснование первичного «исчезать» даёт А. Клокхорст (2008): хеттский *mer-/mar-* удерживает «исчезать,

пропадать, теряться», тогда как в остальных индоевропейских языках *mer-* уже означает «умирать». По его мнению, переход «исчезать → умирать» типологически обычен, а обратный почти не встречается. Исходным он признаёт «исчезать», сохранённое в анатолийском, а «умирать» — общей инновацией прочих ветвей. Этот сдвиг произошёл ещё в праиндоевропейском: к моменту отделения Анатолии остальные ветви ещё составляли единое языковое сообщество, в рамках которого этот процесс и сложился [9, с. 7-9, 561-562, 568]. Клокхорст разграничивает и формальных двойников Покорного: хеттское «чернеть» *maruai-* относит к отдельному корню **merg^w-* «тёмный» (общему с германским *myrkr*), но не к **mer-* [9, с. 562-563].

Весомую деталь с осторожностью добавляет М. де Ван (2008), возводя латинское *mortarium* «ступа» к тому же корню, что и *morior*, — через расширение **-h₂-* (**merh₂-*), образующее «материальную» ветвь дробления и распада. К этой же основе с другим, отдельным расширением (**h₂merd-*) он относит и *mordeo* «кусать, дробить». В той же статье де Ван отделяет от данного корня и латинское *merus* «чистый», выводя его из самостоятельного **merH-* «остающийся», а не из «сияния» (относившегося ранее к гнезду **mer-²*) [21, с. 389–390]. Более осторожно К. Уоткинс (2011) разграничивает **mer-* «истирать, вредить» (сюда *mortar*, *mordeo*, *morbus*) и **mer-* «умирать», предполагая их возможное родство, но не настаивая на полном тождестве [22, с. 2051]. В этом отношении указанные словари склонны снимать омонимию между «умирать» и «истирать» Ю. Покорного (помещёнными им в разные гнёзда, **mer-⁴* и **mer-⁵*), сближая дробление и смерть в рамках одного корня с расширениями. Догадка А. Г. Преображенского о связи семантики смерти и разрушения, высказанная в 1910-е, получает тем самым позднейшую поддержку.

В этот же период А. Водтко, Б. Ирслингер и К. Шнайдер (2008) разграничивают по огласовке и ударению именные производные корня:

**mr-tó-* «мёртвый» (вед. *mṛtá-*, авест. *marəta-*), **mér-to-* «смертный, человек» (вед. *márta-*) и отрицательное **ṇ-mṛ-to-* «бессмертный» (вед. *a-mṛta-*) — проводя границу между смертным и богом [23, с. 489-490]. Тогда же это распределение закрепляется и в нормативной грамматике хеттского языка Х. Хоффнера и Х. К. Мельхерта (2008), где *mer-* подаётся как «исчезать», а нейтральное «умирать» переходит к отдельному корню *akk-* [7, с. 173, 281].

К 2010-м годам реконструкция в специализированных словарях оказывается неоднозначной: германист Кроонен (2013) упоминает «исчезать» лишь в виде осторожной оговорки вслед за Клокхорстом, возводя при этом корень к **mer-* «умирать»; Р. Бекес (2010) и Р. Дерксен (2015) в греческом и балтийском словарях новой глоссы не отражают, давая корню традиционное значение «умирать» [1, с. 243; 3, с. 321; 11, с. 378], — тогда как обзорный том под редакцией М. Каповича сводит её к формуле **mer-* «исчезать > умирать» [20, с. 32].

Тем не менее к 2019 году значение «исчезать» — это уже не гипотеза, а общепризнанный в индоевропеистике факт [10, с. 7-8]. По наблюдению М. Пейрота (2019), точные хронологические рамки этого сдвига определить невозможно: в тохарском, отделившемся вторым, рефлекс **mer-* не засвидетельствован, и потому остаётся неизвестным, произошёл ли сдвиг до или после его обособления [15, с. 188-189]. Наряду с переосмыслением базового значения, современные отраслевые словари пересматривают и формальную омонимию, зафиксированную в таблице 1: греческий материал, относившийся ранее к «мерцанию», «черноте» и «сети», Р. Бекес относит к догреческому субстрату либо оставляет без ясной этимологии [1, с. 244, 906-907, 968-969], тогда как Р. Дерксен распределяет балто-славянский материал по самостоятельным гнёздам — «мерцание» к **merg^w-/merk-*, «черноту» к **myrk-*, а «сеть» к **merĝ-* [3, с. 306, 312-320; 4, с. 308-309, 341-342].

Балтийские данные Й. Ямазаки (2020) добавляют к этому корню ещё одну семантическую ветвь — **mers-* «забывать»: литовское *miršti* «забывать» образует пару с *mirti* «умирать» (от **mer-*) в рамках единого этимологического поля. К той же ветви принадлежит и тохарское *märsetär* «забывать» (от **mers-*), и здесь показательно, что в тохарском, утратившем основной ствол **mer-*, ветвь со значением «забывать» уцелела самостоятельно [24].

Проведённый анализ показывает, что современная индоевропеистика сводит исходное значение корня **mer-* к «исчезать», рассматривая «умирать» как производное, возникшее уже в праиндоевропейскую эпоху, а формально омонимичный спектр Ю. Покорного в свете современных словарей распадается. «Мерцание», «чернота» и «плетение» относят к самостоятельным праформам или субстратной лексике, тогда как смертельный материал проявляется как единый корень **mer-* («исчезать/умирать») с двумя суффиксальными расширениями: **merh₂-* (дробить, истирать) и **mers-* (забывать).

На этом основании семантическая цепочка В. Н. Топорова, выводившая смерть из метафоры постепенно угасающего света, теряет под собой лингвистическую опору. Исчезновение предстаёт здесь как прекращение бытия для наблюдателя, где «исчезать», «дробить/истирать» и «забывать» оказываются не последовательными стадиями линейного развития смысла, а тремя параллельными модусами концептуализации смерти: исчезновением из поля зрения, распадом в материальной плоскости и уходом из памяти.

Вместе с тем сама дискуссия о направлении семантического сдвига — будь то позиция А. Клокхорста («исчезать → умирать») или Я. Пухвела («умирать → исчезать») — остаётся в рамках линейной модели, где одно значение неизбежно сменяет другое во времени. Однако материал допускает иную оптику, при которой оба значения не сменяют друг друга,

а сосуществуют: смерть изначально и есть исчезновение, не требующее дополнительного смыслового перехода. «Исчезать» и «умирать» предстают здесь как полисемия единого опыта.

Полученный результат предоставляет танатологии фундаментальное семантическое ядро, выявляя преемственность между тем, как смерть концептуализировал носитель праязыка, и тем, как её именуется современный язык. Корень **mer-* при этом представляет собой лишь одну из моральных праформ индоевропейской семьи; прояснение всей дифференциации модусов умирания требует дальнейшего системного сопоставления с иным подобным лингвистическим материалом.

Использованные источники

1. Beekes R. S. P. Etymological dictionary of Greek: in 2 vol. / with the assistance of L. van Beek; ed. by A. Lubotsky. — Leiden; Boston: Brill, 2010. — 1808 p.
2. Brosset Ch. de. Traité de la formation mécanique des langues, et des principes physiques de l'étymologie: en 2 vol. — Paris: Saillant, 1765. — T. 1. — 502 p.
3. Derksen R. Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon / ed. by A. Lubotsky. — Leiden; Boston: Brill, 2015. — 684 p.
4. Derksen R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. — Leiden; Boston: Brill, 2008. — 726 p.
5. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1: A—Ko. — Heidelberg: Carl Winter, 1960. — 938 S.
6. Gusmani R. Il lessico ittito. — Napoli: Libreria Scientifica Editrice, 1968. — 326 p.

7. Hoffner H. A. A Grammar of the Hittite Language. Part 1: Reference Grammar / H. A. Hoffner Jr., H. C. Melchert. — Winona Lake: Eisenbrauns, 2008. — 468 p.

8. Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. — Berlin: F. Dümmler, 1836. — 511 S.

9. Kloekhorst A. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. — Leiden; Boston: Brill, 2008. — 1162 p.

10. Kloekhorst A. The Precursors of Proto-Indo-European: The Indo-Anatolian and Indo-Uralic Hypotheses / ed. by A. Kloekhorst, T. Pronk. — Leiden; Boston: Brill, 2019. — 234 p.

11. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic / ed. by A. Lubotsky. — Leiden; Boston: Brill, 2013. — 794 p.

12. Lexikon der indogermanischen Verben: die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen / unter der Leitung von H. Rix; bearb. von M. Kümmel und H. Rix. — 2., erw. und verb. Aufl. — Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001. — 823 S.

13. Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. — Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. — 547 S.

14. Oettinger N. Die Stammbildung des hethitischen Verbums: Nachdruck mit einer kurzen Revision der hethitischen Verbalklassen / hrsg. von J. Tischler unter Mitarbeit von S. Röble. — Dresden: Verlag der TU Dresden, 2002. — 636 S.

15. Peyrot M. Indo-Uralic, Indo-Anatolian, Indo-Tocharian // The Precursors of Proto-Indo-European: The Indo-Anatolian and Indo-Tocharian Hypotheses / ed. by A. Kloekhorst, T. Pronk. — Leiden; Boston: Brill, 2019. — P. 186–202.

16. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: [in 2 Bd.]. — Bern: Francke, 1959. — Bd. 1. — 1183 S.

17. Puhvel J. Hittite Etymological Dictionary. Vol. 6: Words beginning with M. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. — 216 p.
18. Saussure F. de. Cours de linguistique générale / publ. par Ch. Bally et A. Sechehaye; avec la collab. de A. Riedlinger. — Paris: Payot, 1971. — 408 p.
19. Sturtevant E. H. A Comparative Grammar of the Hittite Language. — Philadelphia: Linguistic Society of America, University of Pennsylvania, 1933. — 320 p.
20. The Indo-European Languages / ed. by M. Kapović. — 2nd ed. — Abingdon; New York: Routledge, 2017. — 630 p.
21. Vaan M. de. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. — Leiden; Boston: Brill, 2008. — 825 p.
22. Watkins C. Indo-European Roots // The American Heritage Dictionary of the English Language. — 5th ed. — Boston; New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2011. — P. 2009–2059.
23. Wodtko D. S. Nomina im Indogermanischen Lexikon / D. S. Wodtko, B. Irslinger, C. Schneider. — Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2008. — 764 p.
24. Yamazaki Y. Lith. *miṛti* / latv. *mirt* «to die» and lith. *miṛšti* / latv. *mirst* «to forget» in East Baltic // *Acta Linguistica Lithuanica*. — 2020. — Vol. 83. — P. 11–34.
25. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. — Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1896. — 551 с.
26. Иванов В. В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 2. — М.: Языки славянских культур: Знак, 2008. — 704 с.
27. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. В 2 т. Т. 1: А–О. — М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1914. — 674 с.

28. Топоров В. Н. Заметка о двух индоевропейских глаголах умирания // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л. Г. Невская. — М.: Наука, 1990. — С. 47–53.

29. Шишков А. С. Опыт словопроизводного словаря, содержащий в себе дерево, стоящее на корне мр: с означением 24-х колен и 920 ветвей / соч. А. Ш. — СПб.: Типография Императорской Российской академии, 1833. — 143 с.